

Резеда Кафигова

КОРОБКА

с маленџкими сокровиштами

12+

Резеда Летфулловна Кафидова

Коробка с маленькими сокровищами

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=59638173

SelfPub; 2020

Аннотация

Сборник прозы. Коллекция воспоминаний о детстве. Размышления об утратах иллюзий. Признание в любви мужчине, которого нет. Рассказ о городе, в котором живу. Маленькие сокровища моей памяти.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1 Роза	5
Глава 2 Репейник	7
Глава 3 Земляника	10
Глава 4 Стрекоза	11
Глава 5 Кукла	14
Глава 6 Мороженное	15
Глава 7 Линейка	17
Глава 8 Нашатырь	20
Глава 9 Щенок	21
Глава 10 Стекляшка	25
Глава 11 Свой среди чужих, чужой среди своих	27
Глава 12 О цветочках и весенней капели	30

Предисловие

Почти у каждого ребёнка есть особенная коробочка, или шкатулка, или баночка, в которой он хранит всякие тайные штучки. Драгоценные трофеи детской души. Он открывает свою кладезную и бережно перебирает их . Вот перо птицы, а вот стекляшка, а вот камешек ...

Наверное и у меня была такая, но я не помню. За то у меня есть память. Она, как та самая коробка, в которой лежат мои сокровища – воспоминания.

Я буду доставать их по одной.

Глава 1 Роза

Вот засушенный лепесток розы. Если взять его в руки, он рассыплется в пыль. Так он истлел. Помню, как года в четыре, какой-то дядька подарил мне, маленькой девочке, белую розу. От цветка шёл короткий черенок без шипов. Роза благоухала и сияла девственной белизной. Её упругие, бархатные лепестки скручивались в тугий бутон. А мне хотелось добраться до самой сердцевины и посмотреть, что там? С упорством любопытного дитя лезла пальцем внутрь. А, когда, наконец – то добралась, резкая боль внезапно пронзила мой пальчик. Я с криком одёрнула руку и заплакала. Оказалось, что в розе была пчела. Она – то и укусила меня. Помню, как вынимали жало и утешали меня. И, будучи человеком мистически настроенным, я нашла необычное трактование этому событию моего далёкого детства:

белая роза является символом вечной любви, более чистой, сильной и крепкой, чем все земные чувства, в том числе и страсть.

В христианской символике белая роза считается символом чистоты, святости и духовной любви.

Я всю жизнь пытаюсь проникнуть в суть любви, стараясь, как в детстве, добраться до сердцевины розы, а там затаилась

жалящая стража тайны тайн. Любовь никогда не позволит познать себя до конца, не откроет нам всю свою Божественную суть. А если, особо дотошный, осмелится нарушить священную печать, то поплатится за это.

Глава 2 Репейник

Что -то круглое и колючее затаилось в глубине коробки. Сухое соцветие репейника. Кучу таких же колючек я отдирала от шапочки в тот злополучный вечер.

Мне пять лет. Я играю во дворе дома с соседскими ребятами. К нам подходит мужчина и заговаривает со мной. Берёт меня за руку и ведёт в ближайший кустарник. Мальчишки видят это, перешёптываются и убегают. Своего спутника я не боюсь. Доверчиво держу его за палец. Он ложится на траву, усаживает меня рядом и возбуждённо спрашивает: « Хочешь, я покажу тебе, как делают детей?». Валит меня на землю. К шапке цепляется репейник, спина вся в сухих травинках. Он просит снять юбочку. Вдруг мне становится страшно. Я сопротивляюсь и вскакиваю. Он отпускает меня. Бегу домой, вхожу в коридор общежития. Вижу маму. Она стирает в корыте. Смотрит на меня и начинает кричать. Ругает за то, что я убежала далеко от подъезда. Меня трясёт от ужаса, но она не замечает этого. Хочу рассказать ей о случившемся, пытаюсь осознать произошедшее, но ругань матери останавливает . И я оставляю всё при себе.

Будучи уже взрослой, поняла, что это было попыткой изнасилования. И благодарю Бога за то, что Он уберёг. А мама так никогда и не узнает о том случае.

Это не единственный раз, когда я становилась жертвой сексуальных домогательств со стороны взрослых мужчин. Почему – то в детстве я вызывала в них желание.

Помню, как в первом классе нам устроили фото сессию. Приезжий фотограф, наставив на меня фотоаппарат, вдрызг застыл, выглянул из за фотика, взглянул на меня в восхищении, снова посмотрел в объектив, и снова вынырнул, и снова взглянул с изумлением. И так продолжалось долго. Он всё шептал про себя : « Ах, какие глаза! Какая красивая девочка!» Я напряглась и занервничала, а он всё никак не мог налюбоваться мною.

Моя первая учительница вспоминала тот случай потом неоднократно. И через много лет, встретив меня, обязательно упоминала о нём.

И вот что меня изумляет: как так случилось, что будучи таким красивым ребёнком, я всегда чувствовала себя уродинной?! Не от того ли, что одноклассники дразнили и унижали? Все школьные годы я слышала в свой адрес только уничижительные прозвища. Любой изъян во внешности оборачивался против меня. За это цеплялись и упорно этим давили. Будь то лёгкая полнота, которая внушалась, как ужасное ожирение, или плохая одежда, которая становилась плацдармом для расстрела моей самооценки.

Я думаю причина в том, что в Учхозе, где я выросла, жили переселенцы. Село оказалось без исторических корней. Туда стекался всякий случайный люд, как оказалось обладатели

не лучших человеческих качеств. И дети были соответствующие. Жестокие и циничные. А тот факт, что я безотцовщина, развязывал им руки. Заступиться – то некому. Мама работала дояркой с утра до ночи, а старших мужчин родственников поблизости не было. Сейчас я понимаю всю великую важность родительского обязательного утверждения своего ребёнка в высоком статусе. Родители должны служить гарантом детской неприкосновенности.

Вот ещё случай того, насколько я была лишена хотя бы крошечной защиты. Кроме Бога меня никто не спасал.

Каждый день я ходила в школу мимо дома соседа. Он был уже в годах. Однажды он заговорил со мной, за тем стал дарить мелкие подарки. То яблоком угостит, то рыбкой вяленой. Затем предложил починить велосипед. Мне нравилось дружить с ним, ведь я остро нуждалась в общении с мужчиной. Отца у меня не было. Принимала такую дружбу с благодарностью и, по наивности, не задумывалась о её причине.

Однажды он позвал прокатиться на мотоцикле. Мы выехали далеко за село. Он учил меня водить. А когда остановились, спросил, растут ли у меня волосы внизу живота. А потом предложил посмотреть на то, что есть у него в той же области. Тут меня осенило! Я испугалась и побежала домой. А вечером рассказала матери. Дальше был скандал, который замяли. Но чувство горького разочарования, стыда, опустошённости и ужаса ещё долго меня не покидало.

Глава 3 Земляника

Достаю из коробки пыльные, выцветшие сушёные ягоды земляники. Такие же точно, только сочные и вкусные, я нашла в лесу, когда ходила на прогулку с отрядом детского лагеря. Мне пять лет. Почему я оказалась там, среди почти незнакомых мне детей? Все они старше. Я ни с кем не разговариваю. Стою в сторонке. Мне одиноко и грустно. Вдруг на обочине замечаю тонкий стебелёк, а на нём качается ярко – красная земляника. Беру её в руку, вдыхаю сладкий аромат и ем. И это служит мне утешением в моей обособленности. Вкусно и радостно. Но вот меня окликают и мы уходим.

Почему в памяти остался именно этот эпизод? Наверное потому, что очень точно иллюстрирует моё постоянное чувство одиночества. Оно особенно ярко выявилось тогда, в том лесу. Я всю жизнь стою в стороне от людей. Не могу полностью находиться в социуме, не умею свободно и легко общаться. Но Бог всегда пошлёт утешение. В детстве это земляника, а в зрелости – интересная книга, чашка кофе или неожиданный звонок друга.

Глава 4 Стрекоза

Что это? О! Рисунок стрекозы. Неумелой, детской рукой выведены два огромных глаза, тонкое тельце и длинные крылья. Я нарисовала её в санатории. Мне шесть лет. Мама ушла от отца. И на время своего обустройства на новом месте, определила нас с сестрой в детский противотуберкулёзный областной санаторий. Помню, незадолго до этого на моей руке огромное, раздутое красное пятно. Оно ужасно чешется. До того мучительно, что я не выдерживаю и расчёсываю его массажной расчёской с металлическими гвоздиками в резиновом основании. На миг становится легче и снова нестерпимый зуд. Оказалось, что такая бешеная реакция на пробу Манту.

Санаторий располагался в сосновом бору близ села Юлово Инзенского района. Сосны там стояли огромные. Просто гигантские! Может быть мне всё тогда казалось большим, но я и несколько ребят, пытались все вместе, взявшись за руки, обхватить ствол и не смогли. Каждый день мы шли со смешными кричалками в столовую. А там на столе нас уже ждали: ложка сиропа шиповника, плитка гематогена, стакан минералки и кумыса. Это надо было всё съесть и выпить. За тем мы шли в особые будки, где по трубочкам в рот поступал яблочный сок насыщенный кислородом. Агрегат работал с шумом, булькал и урчал. А я тоже урчала от удовольствия.

Мне очень нравился вкус сока. И мы просили добавки у доброй тётки, которая следила за подачей напитка, и она никогда не отказывала. Спасибо тебе, неизвестная, жалостливая женщина!

Рядом протекала речка. Мелкая и быстрая. Деревянные мостки перекинутае с берега на берег. По ним мы бегали и ловили стрекоз. Только там водятся особые их подвиды: четырёхпятнистая стрекоза, стрекоза жёлтая и лютка зелёноватая. Ловкие насекомые с лёгкостью уходили от облавы. И кружили над жёлтыми кувшинками. Однажды я нашла на одном из мостков мёртвую стрекозу. Она была исполинского размера. Вдвое больше моей ладони. Я смогла внимательно разглядеть это невероятной красоты создание. Её неподвижные глаза состояли из тысячи сот, переливающихся всеми цветами радуги. Невесомое тельце из множества лакированных сочленений, похожее на стебель бамбука. Сильные, прозрачные крылья будто сделаны из тончайшей слюды, трепетали от дуновения ветра. Цепкие лапки покрытые мелкими волосками. Я смотрела на неё и замирала от неземной, завораживающей прелести. Воистину кто – то непостижимый и великий создал её. Было в ней нечто потустороннее, инопланетное. Что -то, что навсегда врезалось мне в память. Хрупкая красота, что недавно летала и ловила букашек, скользила по глади воды, а сейчас мертва, но всё так же прекрасна. С тех пор я очень люблю стрекоз. И всякий раз, при виде их, сердце замирает. Я мысленно киваю им, будто посвящённая

в тайну красоты.

Глава 5 Кукла

На дне коробки притаилась старая фотография. Чёрно – белая, с заломами и потёртостями. На ней стоят в три ряда дети. Среди них и я. Мне семь лет. Я держу в руках большую куклу. Она в платье, туфлях. У неё белые волосы. Лицо моё заплаканное, тревожно – напряжённое. Упрямые губы поджаты, руки крепко вцепились в игрушку. Я в летнем лагере. Мне нравилась эта кукла, но мальчик отнимал её у меня. С воем и рёвом, дракой и криком я отвоевала заветную. Никто больше не запечатлён с игрушками. Только я. Красивая воспитательница стоит рядом со мной. Я помню её, потому что она казалась мне богиней. Всё в ней было гармоничным, голос тихий и мягкий. Похожа на актрису Ирину Алфёрову в молодости. Помню свой восторг и преклонение перед ней. Она утешала меня и позволяла отвоевать куклу. Уже тогда проявлялись мои основные черты характера: собственничество, упрямство, настойчивость. Если что-то люблю, то оно должно быть моим. Так и с мужчинами было раньше. Будешь моим, ведь я же люблю тебя! Только – теперь знаю – в отличие от куклы, живого человека отвоевать у судьбы нельзя и присвоить тоже.

Глава 6 Мороженное

Достаю мятую бумажку. Это этикетка от мороженого. Пломбир. Цена 20 копеек. По тем временам – самое дорогое и вкусное мороженное.

Отец, после развода, раз в год, в мае, на мой день рождения забирал меня к себе. На кухне под клеёнкой кухонного стола лежала россыпью мелочь. Я могла брать сколько угодно и бежать в магазин за вкусняшками. Выбор был невелик. Мороженное, сдобные булочки со сметаной в прикуску и пирожное «Картошка». Особенно я любила квадратный крем бриоле в вафельных листах или ягодное в картонных стаканчиках. За количеством съеденного никто не следил и поэтому однажды я объелась им до тошноты, но до сих пор люблю.

А ещё папа покупал мне помидоры. За ними мы ехали на трамвае на Камышинский рынок. Вспоминается майский закат. Город освещён последним лучом солнца. Большая, просторная улица (теперь знаю, что улица Минаева). Мы с ним стоим на остановке и ждём трамвай. Я держу его за руку и прыгаю на месте. Платье задирается и подол покрывает мою голову. Чувство стыда.

Он выбирал для меня самый спелый томат. И я тут же его вкушала. Сок брызгал на платье. Потом мать ругалась за это, но вкус тех плодов я помню всю жизнь. Вообще отец для ме-

ня был праздником. Его подарки и покупки помню все до одного: наручные электронные часы, кукла в фольклорном наряде невероятной красоты, в волосы которой вплетены бусы из жемчуга, в кружевной рубашке и атласном сарафане. Живая рыбка в банке.

Удивительно устроена душа ребёнка! Она рождается со знанием будущего. Потом мы забываем, но в детстве провидим всю свою судьбу. Отец спрашивал меня, кем я хочу стать? И я отвечала: «Кондитером!». Букву Р не выговаривала. И ведь точно угадала! Хотя училась совсем другому ремеслу, но в конце концов, стала-таки кондитером, самостоятельно освоив эту профессию.

Глава 7 Линейка

Обломок линейки гремит в глубине коробки.

Знаю, почему он сломана. Её разломил надвое одноклассник. Просто так, от тупой злобы. Чтобы досадить мне. Он сломал новенькую, любимую линейку и с интересом следил за моей реакцией. Ловил каждую тень страдания на лице. Ждал, что заплачу. Но я не выдаю никакой эмоции. Мне безумно жаль линейку, но плакать нельзя. Иначе он добьётся своего, будет торжествовать. А я уже привыкла давить в себе любую досаду. Назло, потому что упрямая и гордая. До сих пор остался этот инстинкт. Первая реакция на неприятность – оцепенение лица, полный контроль и отсутствие эмоций. Изживаю до сих пор.

Школа стала для меня испытанием на эмоциональную выносливость. Всех ужасов психологического насилия не перечислить. Да и нет никакой нужды. Если в начальных классах ещё как-то удавалось находить общий язык с одноклассниками, то в старших противостояние стало невыносимым. На уроке, сидящий впереди парень, мог повернуться и помочиться на мою парту. Прямо на учебники. Или на перемене высунуть свой член и показать его мне. Внезапно ударить по лицу портфелем, обозвать дочерью потаскухи и жирт্রে-стом. И всё сходило с рук. Я отстаивала свою честь, как мог-

ла, кулаками. Дралась жёстко и часто. Уходила в себя. Сидела дома и читала запоем. Книги уводили меня от повседневности. Дарили иной мир, где благородные рыцари сражались за сердце дамы, а бесстрашные моряки покоряли океан. Где мудрые мама и папа любят друг друга и своих детей. Где умные, смелые, честные пионеры творили добрые дела. Крепко и преданно дружили.

В фильмах красивые школьники говорили правильные речи, тонко чувствовали, влюблялись и совершали подвиги. Поступали по совести и получали по заслугам.

Всего этого не было в моём окружении, и это разрывало сознание.

Однажды в награду за добросовестный труд и общественную активность дирекция школы решила наградить меня путёвкой в «Артек». Счастью моему не было предела! Но на общем собрании класса почти все мальчики одноклассники проголосовали против и в итоге поехала другая девочка. Когда решение было принято, все они смотрели на меня торжествующе. Ждали реакции. Сжав зубы, я улыбнулась и сказала, что не хотела ехать. А дома ревела до утра. Было невыносимо больно. Но этого они не узнали. Последствия такого «весёлого» детства аукаются мне до сих пор. Например не умею в себе распознавать сразу же недовольство или печаль. Я их давлю автоматически. И только спустя какое-то время позволяю им дойти до сознания. Но всё таки от всей души прощаю их, и говорю спасибо всем своим соученикам за эту

жестокую школу жизни. Я стала сильной. Искалеченной, но си

Глава 8 Нашатырь

По дну перекачивается пузырёк из тёмного стекла. В нём ещё чуть слышен резкий запах аммиака. Несколько раз он безотказно возвращал меня в сознание.

Три раза меня угораздило надыхаться углекислым газом. Проще говоря – угореть. Первый раз это случилось в бане нашей тёти по папиной линии. Мы с сестрой мылись и дуррачились, а потом полная тьма. Пришла в себя от резкого толчка в нос аммиачных паров. Мне сказали, что нашли нас без сознания на полу. Обошлось головной болью.

Второй раз случилось отравление дома. Мать, уходя на работу, рано задвинула выюжку у печки. Не дала полностью прогореть дереву. Я кружилась на середине комнаты, представляя себя снежинкой. И снова провал в небытие. И опять тот же отвратительный запах нашатыря вернул меня в мир.

А в третий раз угорела уже по глупости. В пятнадцать лет гостила у подруги в деревне. Стирала в бане, а потом и помылась. Рядом, во дворе рубил дрова её отец. Когда я почувствовала дурноту, круги перед глазами и головокружение, то успела шагнуть за порог и потеряла сознание. Отец подруги успел подхватить меня. Дальше не помню. И снова пришлось дышать нашатырём. С тех пор я совсем не боюсь смерти. Она так часто ко мне приходила, что уже и не страшно. Там ничего нет и очень темно.

Глава 9 Щенок

В самом уголке примостилась маленькая, смешная плюшевая игрушка. Милый щенок с белым пятном на боку.

В детстве меня постоянно окружали животные. Кошки, собаки, лошади, коровы, голуби и куры. В селе они близко соседствуют с людьми. Иногда даже слишком тесно.

Мама долгое время не имела собственного угла. И почти каждый год приходилось переезжать. Дома нам доставались старые, полуразрушенные, без удобств. Воду носили из колонки, туалет был либо на улице, либо его вовсе не было. Справляли нужду в ведро. Мылись в общественной бане. То ещё удовольствие! Единственно, что мне нравилось в походах в баню, это дом, мимо которого мы ходили. Сам он был обычным, но на передней стене, высоко под крышей находился барельеф, изображавший расшитое полотенце, а на нём пухлый каравай с солонкой. Ниже лежала гроздь винограда и всякие плоды. Лепнина была корявой, кустарной. Явно хозяин сам изваял. Но это буйное изобилие притягивало мой взгляд.

Частенько мама брала на откорм телят. Зимой им отделился загончик прямо на кухне и без того очень тесной. Запах коровы и навоза стойко ассоциируется у меня с детством. Однажды телёнок дотянулся до моего пальто и хорошенько

пожевал его. На утро это обнаружилось слишком поздно и пришлось идти в таком виде в школу.

Ранней весной появлялись цыплята. И почти до лета жили в комнате с нами. Они вырастали, перелетали импровизированные ограждения и гуляли по дому.

Несколько кошек успело пожить со мной. Помню двух очень умных близнецов кошечек. Они имели необычный трёхцветный окрас и выглядели до жути идентичными, как клоны.

Голубей я отлавливала на чердаках. Птицы имели невероятное множество вариантов окраса : рыжие с белыми подпалинами, белые с чёрными пятнами, серые в крапинку, абсолютно чёрные или кипельно белоснежные. Самых красивых, с необычным окрасом, сажала в клетку и пыталась разводить. Не получилось.

Лет в одиннадцать я увлеклась лошадьми. В УЧХОЗе имелся замечательный конный завод. Туда я бегала ухаживать за лошадками. Мыла их, чистила, изготавливала сбруи, объезжала, кормила. Особенно любила огромного тяжелове-за по имени Илья Муромец. Белый жеребец – исполин. Он был так огромен, что для него не находилось подходящего хомута и его шили на заказ. Однажды я села ему на спину и она оказалась на столько широкой, что мои ноги даже не дотянулись до боков. Я сидела на его спине в шпагате.

Однажды я совершила ошибку, чуть не стоившей мне жизни. Мы с подругой объезжали кобылу. Она было слегка

нервной и видимо знакома с кнутом. Потому что когда подруга сидя верхом на ней, попросила подать ей прутик, и я зашла сзади и протянула палку, лошадь с испугу, лягнула меня. Удар пришёлся под дых. Под самые рёбра. Спасла меня моя же рука, которая попала между копытом и животом. Кисть потом немела и болела месяц.

Но особенное место в моей тогдашней жизни занимали собаки. В

каждом доме, а сменили мы их с полдюжины, пока маме не дали двухкомнатную квартиру, с нами жили собаки. В память и душу запали две. Один огромный пёс – помесь охотничьей и дворняги Динго и дворняга Лейси. Динго был так силён, что я запрягала его в санки и он возил меня, вызывая невероятный восторг. Прожил он года три. А потом его застрелили прямо на моих глазах. Вёлся отстрел бездомных собак. И мужики не стали разбираться на счёт принадлежности Динго. Это сейчас, если бы на глазах ребёнка убили животное, вся общественность была бы в шоке и поднялась бы буря возмущения, а тогда никому в голову даже не приходило оградить меня от жуткой картины жестокой расправы над любимцем. Его подстрелили, добились, ударив головой о колесо грузовика и швырнули в кузов в кучу таких же бедолаг.

А Лейси была умнейшей из всех собак, каких мне довелось знать. Маленькая, изящная, с закрученным, лохматым хвостом. Её глаза были почти человеческими. Казалось, что она понимает каждое слово и даже больше. Однажды она

принесла помёт из четырёх щенков. Трёх съели крысы. Сожрали живьём. Даже она не смогла их спасти. От щенков остались только головы. И от этих голов Лейси не отходила ещё месяц. Лежала рядом, почти не ела и не пила. Её тоже застрелили. Горю моему не было предела.

Потом, много лет спустя мама вспоминая, изумлялась тому, как мы вообще выжили в соседстве с такими полчищами огромных крыс?

Выжил только один рыжий с белым пятном на боку щенок. Его называли Илюшкой. Он был очень толстым и неуклюжим. А ещё невероятно ленивым. Однажды мы его потеряли. Только что был в доме и нет! Пол дня кричали, искали, звали. А когда уже отчаялись и мысленно схоронили, он вдруг нехотя выполз из под газовой плиты! Лениво потягиваясь и сладко зевая. И мы поняли, что всё это время он слышал наши крики, но не вышел, потому что было лень! Долго мы с сестрой потом вспоминали этот случай и смеялись.

Глава 10 Стекляшка

Маленький осколок оконного стекла поблёскивает среди прочего. Он напоминает об одном случае.

Мне двенадцать лет. Мы вернулись домой из города. Ездили за покупками. Войдя в комнату, застали разгром. Все три окна были разбитыми. Кое где повреждены и ставни. Форточки оторваны. Стекло валялось повсюду, усеяло весь пол. Подметая, стёрли об острые края до основания два венника.

Оказалось, что совершила это женщина, заподозрившая своего мужа в измене с моей матерью.

Не знаю были ли обвинения правдой или она ошибалась, но маме приходилось трудно. В городе личную жизнь наладить или сохранить её в тайне легче, чем в селе. Тут же всё как на ладони. Женщине с двумя детьми найти мужа было нереально, поэтому маме ничего не оставалось, как вступить в отношения с женатыми мужчинами. Она автоматически становилась потенциальной жертвой коротких ни к чему не обязывающих половых связей. Её статус разведённой и одинокой женщины не оставлял ей никаких шансов на мало мальское уважение в глазах односельчан. А мы с сестрой пожинали плоды этой ситуации.

Соседи рассказали, что та обиженная жена долго кричала, стоя перед домом о том, что здесь живёт проститутка. А

потом закидала окна кирпичами. Интересно, знала ли она, что нас нет дома? Или даже не задумалась о последствиях? Ведь могла поранить нас – детей. Комната была небольшая и осколки или кирпич могли убить. Опять Бог уберёт!

Вообще я – чудом выжившая девочка. Это явно так. В моём детстве было так много факторов риска, что я диву даюсь своей везучести!

Мы с сестрой пережили чудовищные выходки пьяного, крайне буйного отца, пожар, крыс, многократные заболевания педикулёзом, домогательства пьяных соседей и случайных гостей, агрессию односельчан в разных её проявлениях, жизнь в антисанитарных условиях, хождение по лесопосадкам и дальним полям, бесконтрольное купание в водоёмах. И многое другое. Но у Господа на меня явно были планы.

Глава 11 Свой среди чужих, чужой среди своих

Шёлковая кисточка от ковра ласкает пальцы.

На стене дома моих бабушки и дедушки по материнской линии висел плюшевый ковёр с золотыми кистями по краям. Ничем не примечательный, не имеющий ценности. Такого ширпотреба тогда было множество. Но, почему – то, я помню его очень хорошо. На нём был изображён незамысловатый сюжет: лунной ночью, лихой джигит похитил невесту из неприступной крепости и скачет с ней на горячем скакуне. Полумесяц висит в тёмном небе, тонконогий жеребец с расширенными ноздрями несётся во весь опор. Дерзкий жених одной рукой натянул нарядные поводья, а одной рукой обнимает стройный стан восточной красавицы. А вдалеке, из ворот крепости, выезжает стража и гонится за ними. В руках воинов сабли, на головах тюрбаны.

Я сидела часами напротив этого ковра и смотрела на него. Воображение маленького ребёнка разыгрывалось не на шутку. Меня поражали напряжённые, печальные лица беглецов. Я вглядывалась в них и пыталась понять их чувства. Иногда мне становилось жутко от того, что вот – вот погоня настигнет несчастных и их навсегда разлучат. Сюжет застыл именно в самом волнующем моменте этой истории. А мне очень

хотелось узнать, уйдут ли влюблённые от преследователей? Будут ли они счастливы? А ещё мне до слёз было жалко лошадь, потому что она была изящной, а седоки изображены не пропорционально большими по сравнению с ней. И я боялась, что такая маленькая лошадка не сможет долго продолжать погоню. А ещё поводья были натянуты так сильно, что у жеребца от боли задралась морда, а уголки губ того гляди порвутся.

У деда были мусульманские чётки для намаза из высушенных косточек финика. Мне очень хотелось дотронуться до них, но я знала, что этого делать ни в коем случае нельзя. Они навсегда остались запретным плодом. А ещё у дедушки был деревянный протез ноги. Он вернулся с войны инвалидом. Иногда, когда дед спал, протез лежал на полу, выглядывая из под кровати и до жути пугал меня. Мне казалось, что под кроватью лежит страшный дядя и только нога выдаёт его. А бабушку я боялась. И почти с ней не разговаривала. Она всё время была занята и внимания на меня не обращала. Да и говорить с ней я всё равно не смогла бы, потому что совсем не умела говорить на татарском. Моя родовая деревня была населена исключительно татарами. И общались все на своём языке. Кроме меня. Я понимала, когда мне задавали вопросы, но ответить на них не могла. И представьте всю отчуждённость маленького ребёнка, не говорящего на языке окружающих! Трудно было найти товарищей для игр, сказать о проблеме, высказать своё состояние. Я оказалась

иностранкой среди родичей. Поэтому во мне не развилось тёплых чувств к родственникам. Я их не знаю.

Не чувствую своих корней. Язык – определяющий фактор развития детского мировосприятия. И если ребёнка лишить возможности говорить на нём, рушится родовая связь.

Я мучительно ищу ответ на вопрос: почему Господь так ограничил меня в детстве? Разлучил с отцом, не позволил развить эмоциональную связь с матерью и родственниками, не дал познать уют родового гнезда (а только временные , чужие жилища), позволил пройти сквозь унижения и обездоленность? Может когда нибудь найду ответ. Ведь главное – задавать вопросы.

Может быть, в конце жизненного пути, я вспомню своё детство и ласково улыбнусь ему сквозь года, мудрой улыбкой человека, прошедшего нелёгкую, но такую волшебную дорогу души. И сердце, и всё моё существо замрут в лучах Божественного озарения. И я скажу : « Да, Господи, я поняла! Я нашла ответ. Благодарю Тебя, Милосердный!»

Глава 12 О цветочках и весенней капели

Несколько из этих мини рассказов я показала своим знакомым литераторам. И меня поразило то, что многие из них посоветовали мне убрать уж очень, по их мнению, откровенные моменты. Например про изнасилование. И добавить немного позитива, в виде воспоминаний о билетике в цирк или другой какойнибудь «мимимишности». Но позволю себе не согласиться с ними.

Я убеждена, что настоящий писатель, если уж он таковым себя считает, обязан писать только правду. Даже если это художественное произведение, оно должно

исходить из самой глубины сердца, говорить о том, что действительно его цепляет. Иначе получается суррогат. Может быть, прочитав мои воспоминания, другая женщина увидит что – то своё, и это ей поможет справиться с болью. Она поймёт, что не одинока в своём страдании, что об этом можно и нужно говорить. Кто – то задумается о своих детях. Правильно ли он поступает с ними?

Если бы Толстой не писал об ужасах войны, или Достоевский не описывал бы самого дна человеческой души и всю черноту и сложность жизни, то наша литература стала бы убогой.

Я знаю множество литераторов, с восторгом воспевающих цветочки, бабочек и весеннюю капель. И это тоже имеет право на существование! Как и моя жизнь.

Моя жизнь без прикрас и глянца.

2018 г.

Гранд

Если вдуматься, наша с тобой история – богатая почва для психоанализа. Наглядный пример того, в какие отношения вступает женщина с низкой самооценкой и маленьким опытом общения с мужчинами. Женщина-безотцовщина, обделённая любовью и страстно желающая её получить. А точнее заслужить или завоевать, или вымолить, или дожидаться. Но это с точки зрения человеческой логики. А есть ещё и логика духовного роста. Божья воля. Вот с этой стороны я – наглядный пример того, как Господь может ломать человека «через коленку», бесконечно, пока тот не станет трансформером. То есть пока не изменится и не станет таким, каким его хочет видеть Бог. Стать другим собой.

Во мне постоянно идёт внутренний монолог. Обращение к тебе. Общение с тобой. Одностороннее. Хотя прошло уже

почти два года, как тебя не стало. А я всё говорю с тобой. С твоей фотографией на стене. Но нет того пресловутого разговора с умершим, о котором рассказывают люди. Того ощущения, что ты рядом. Я этого не чувствую. Тебя нет. А есть жестокое понимание того, что нигде и никогда я тебя не встречу. Не прижмусь к твоей мощной груди, не поцелую, не посмотрю в глаза... Осталась только память и утешительная возможность думать о тебе.

И вот я обращаюсь к тебе, как когда-то : «Женечка», а ты отвечаешь : «Да, моя капелька!». Так ты называл меня. А ещё милым Ангелом. И Медвежонком... Но про себя я называла тебя всегда только Грандом. Тем самым определяя твой статус. Гранд – большой. Огромный. И телом и духом. Так и есть. Ты сыграл огромную роль в моей жизни. Ты – тот самый роковой мужчина в моей судьбе. Каньон, разделяющий жизнь на две половины. Встреча после которой женщина навсегда перестаёт быть прежней.

Чем дальше я отдаляюсь в череде дней от даты твоей смерти, тем чаще на меня наваливаются моменты отчаяния и безысходной тоски. Кажется должно быть наоборот. Люди говорят "время лечит". Врут! Время – очень плохой врач. Никудышный!

На похоронах одна дама, наблюдая за моим горем, сказала: «Не убивайся так, можно же любить не только тело, но и душу». Что я могу на это ответить? Можно. Но душа не погладит нежно по голове, как ты, не обнимет крепко, не уте-

шит, не приласкает.

Вообще похороны, как лакмусовая бумага, выявляют истинное отношение оставшихся к ушедшему. На твоих похоронах я видела, пусть смутно, сквозь пелену горя, но видела, как ведут себя провожающие тебя. Поразила будничность общения, заиклиность на собственной персоне, обсуждение бытовых проблем. И это те, для которых ты пел, писал песни, многим помогал. Они вздыхали, закатывая глаза, пили валерьянку, говорили торжественные речи. Но подлинное горе и истинное переживание я увидела у единиц. У тех, кому ты был по-настоящему дорог.

Но всё это занавес. А я хочу вернуться в начало. В то чудесное, безумное, светозарное прошлое. В ту незабываемую Встречу. Да, именно с большой буквы!

Впервые я увидела тебя на посиделках у одной из членов нашего сообщества литераторов. Я приехала из своего посёлка с гитарой. Смущалась и волновалась. По привычке сидела в уголке. И тут, среди прочих вошёл ты. Высокий, красивый, с благородным лицом, в светлой рубашке. Я сразу обратила на тебя внимание. А потом услышала твой голос. Хриплый, тёплый баритон. Ты пел о дочке, о Родине и о женщине, которой нет рядом. С тобой в этот вечер была бывшая жена и один из внуков. Но твоё прошлое тогда для меня не имело большого значения. Был ТЫ и твой голос. А ещё ты раздавал бесплатные билеты на какие-то концерты. И я ошибочно приняла тебя за работника администрации.

Помнится, в конце встречи, ты подошёл ко мне и подарил кассету со своими записями, которые я потом слушала и вот тогда-то и влюбилась. Сначала в песни и стихи. Сразу почувствовала родственность душ. Один путь. Только ты шёл немного впереди. Но шли одной дорогой. Однозначно. Поразила страстность твоей натуры, её широта, откровенность и необыкновенная сила слова. Душевная подача песен. Влюбилась с первого взгляда. А вот полюбила совсем не с первого и даже не с десятого. Но это потом. А пока я приехала и сразу же рассказала мужу о встрече литераторов и о тебе. И дала кассету послушать. Ох, если бы я только знала тогда, как далеко это нас всех заведёт! И как глубоко всех нас это коснётся. Буквально перевернёт жизнь.

До встречи с тобой у меня не было опыта любви. Я не влюблялась. Поэтому до меня не сразу дошло. Было смутное волнение и беспокойство и смущение, и ощущение нового и неизведанного. Только спустя годы я поняла, что же со мной творилось тогда. Я попрежнему занималась хозяйством, семьёй, работой. Но что-то новое и прекрасное уже вошло в сердце. И прорастало. В ту осень малина в саду вела себя странно. Почему-то вдруг зацвела и дала второй урожай за сезон. И это совпало с моим состоянием цветения внутри. Я представляла себя этой малиной, которая поздно полюбила и теперь отдаёт свои плоды, несмотря на несвоевременность. Тогда написалось стихотворение, а позже и песня:

Зачудила к осени малина,
Ягодами снова завалила.
Где-то силу новую нашла,
Или это я с ума сошла?

Или неотступная причуда
Мне кричит и машет отовсюду.
Глаз лукавый щурит и зовёт,
Заполошная, совсем с ума сведёт!

Так своди с ума меня, малина!
Приворотным зельем небо лило
Грозное тайное вино.
С ним ума не надо всё равно!

В следующий раз мы виделись на тех самых бесплатных концертах. Я держалась обособленно и мы даже не разговаривали. И всегда, при твоём приближении, откуда-то вдруг появлялись женщины, и по-хозяйски, настойчиво тащили тебя прочь. А потом случилось чудо! Ты написал мне смс, в котором просил разрешения писать обо мне. И я тогда уже понимала, что это предлог для чего-то большего. А потом была ещё одна смс с кусочком из твоей песни и там были такие слова:

"Спокойной ночи, милый Ангел!"

Я тебя люблю..."

«Я тебя люблю!» – прозвучало как набат. Как выстрел стартового пистолета. И душа моя понеслась во все тяжкие. Она тогда не знала, в какой изнуоряюще-прекрасный марафон включилась. Но до того момента мне никто не говорил этой фразы. Только спустя много времени я поняла, что такая смс не была для тебя эксклюзивом. И что пожалуй с десятков женщин могут похвастаться такими же. Ты с лёгкостью разбрасывался подобными словами. Но для моей изголодавшейся души эта простая фраза была откровением. Потрясением.

Помню один момент: я сажаю ростки капусты. Вечер. Очень устала, но дело надо закончить. Комары одолевают. И вдруг звонок по телефону. Сначала Лилит, а потом присоединяешься ты. Что – то говоришь о том что думаешь обо мне. И всё! Усталость как рукой сняло! Откуда – то появились силы. Я легко до сажала свою капусту и полетела дальше. Именно полетела! Я навсегда запомнила это потрясающее чувство полёта и ликования.

А нужно было всего-то знать, что о тебе думает замечательный человек.

Сближение наше было постепенным. Сначала я просто приезжала на все встречи и выступления, где могла бы встретить тебя. Мы перекидывались несколькими фразами. А потом был тот самый вечер, когда я пела песни, посвящённые

тебе. Ты внимательно слушал. А потом спросил меня : «Кто этот счастливец, о ком ты так восхитительно и страстно поёшь?» Вот тут я со всей своей простецкой прямоотой и призналась в том, что уже пол года влюблена. Ты воспринял это с неожиданным, тихим восторгом. Взял меня за руки и сказал, что если бы я не призналась сегодня в своих чувствах, то ты всё равно начал бы ухаживать за мной.

Я была на седьмом небе от счастья.

В ту ночь ты остался в квартире нашей приятельницы. Мы постелили тебе на кресле и долго хохотали над тем, что подпираться тебе пришлось энциклопедией. А утром я должна была ехать домой. Ты проснулся, подошёл ко мне и нежно поцеловал. Потом, спустя много лет, ты признался, что будто ребёнка целовал. Пошёл провожать меня и на остановке ещё раз поцеловал. Был мороз, усы твои стали влажными и щекотали меня. И долго потом, всю дорогу, я чувствовала этот поцелуй на своих губах.

К тому времени муж начал подозревать, что со мной творится что-то. Задавал вопросы. Я молчала или отнекивалась. Я не знала, что мне делать.

Ты звонил. Часто звал в гости. И вот, после долгих и мучительных сомнений я приехала к тебе. Ты шёл навстречу с букетом жёлтых хризантем. Когда я увидела их, то расстроилась. По моим наблюдениям, если мужчина дарит женщине цветы жёлтого цвета, то потом изменяет ей. Относится легкомысленно. Чувства его неглубокие. Так и вышло в конце

концов. Но это выяснилось гораздо позже. А пока ты пришёл и сказал, что всюду тебе светит зелёный свет на светофорах. Лицо твоё сияло. Мы отправились к тебе домой. Впервые я вошла в твой огромный, старый, странный, заброшенный дом и поняла, что он очень похож на тебя. Он отображал твою суть. Вы были с ним одним целым. Недаром ты так трепетно любил его и тосковал, если приходилось хотя бы на сутки покидать его стены.

В тот день я готова была стать твоей, но ты начал уговаривать меня одуматься, оставить всё как есть, не разрушать семью. Вспомнил, как дико переживал свой развод и потерю семьи. И не хочешь стать причиной разрушения другой. Не возьмёшь грех на душу. Я огорчилась и уехала.

Звонки продолжались и переписка. Мы присылали друг другу стихи. Я тосковала по тебе и хотела большего. Признаюсь, что телесное сближение с тобой далось мне нелегко. Потому что я была замужем, изменить мужу-никогда не возникало даже такой мысли. 15 лет я была примерной женой и даже глаз на мужчин не поднимала. Это чистая правда. А тут вдруг, помутнение разума просто. Я не в силах была противиться своему влечению. И это случилось. Было непонятно, сумбурно, жарко и совестно.

В ту зиму морозы доходили до 35 градусов. Мне пришлось возвращаться на попутных. Помню, дошла до дома и поняла, что не чувствую ног и рук. Было больно. Еле отогрелась. Но тогда, в тот момент, я готова была на любые муки, поехать

на край света, лишь бы быть с тобой. Мороз был тем белым огнём, в котором я охотно сгорела бы ради тебя.

В тот же день я всё рассказала мужу. Призналась в измене. И начался мой и его персональный ад! Сейчас, по прошествии многих лет, я не поступила бы так. Не резала бы по живому. Не мучила бы ни себя, ни мужа. Но моя прямолинейность и честность сыграли со мной злую шутку. После признания жизнь моей семьи раскололась на двое. Не буду углубляться. Следующие три года стали чистилищем. Мы пытались сохранить семью. Муж меня так и не простил. И каждый день давал это понять. Мстил тонко и зло. Следил за мной, запрещал видеться с тобой, выезжать куданибудь. Просматривал переписку. Подозревал. И спрашивал, как я намерена поступить? А я не знала. От тебя не было никаких подвижек. Ты дал понять, что не готов жить со мной, что у тебя есть женщина, к которой ты привязан и за жизнь которой несёшь ответственность. И не хочешь быть тем, кто сломал судьбу нескольких людей. Я осталась один на один со своим чувством. Терпела. Закрылась в себе, как в раковине. Секс с мужем стал пыткой. Он всё больше давил на меня, требовал невозможного – забыть о тебе и снова полюбить его. Не понимая, что это из разряда чудес. И в жизни так не бывает. Да и любви, по крайней мере с моей стороны, у меня к нему никогда не было. Я вышла замуж за вдовца с двумя детьми от жажды получить семью и избавиться от одиночества. Тем более мама уже с нетерпением ждала, когда же я

свалю от неё.

Теперь то я понимаю, что вышла замуж оттого, что боялась встретиться с собой. Посмотреть одиночеству в глаза. Найти себя истинную, полюбить и принять. Вместо этого многие женщины готовы на всё: замужества скоропалительные и неудачные, построение карьер и многое другое...

Я под любым предлогом уезжала из дома, искала встреч с тобой. Мы ночевали где придётся. У знакомых и друзей. И даже в редакции газеты, в которой ты работал охранником. Для меня это было мучительным опытом. До этого я не могла себе даже представить, что способна на такое безумие. Втайне от мужа быть любовницей несвободного мужчины. Прятаться и скрывать свои чувства. И постоянная ложь. Бесконечное враньё! Вспоминаю с дрожью. Но компенсировалось всё это драгоценными встречами и жаркими ночами. Я видела в тебе Бога и любила в тебе Его. Близость с тобой для меня была равноценна священнодействию. Сейчас я вспоминаю об этом с улыбкой, глядя в прошлое с циничной улыбкой сорокалетней, уставшей женщины. А тогда это было именно так.

Однажды мы ехали в маршрутке на заднем сидении и в нас врезался автомобиль УАЗ. Это был знак, что всё закончится катастрофой. Но я не прислушивалась ни к чему. Никого не слышала и не видела. Для меня существовал только ты и моё всепоглощающее чувство. В то время ты посвятил мне стихотворение, которое говорит само за себя :

Посланник

Ангел мой, без страха и упрёка,
Умоляю! Не суди меня.

Мне и так по жизни одиноко
В полумраке завтрашнего дня.

Амазонка из далёкой сечи,
Азиатских пламенных кровей!
Кто послал тебя ко мне навстречу
Из далёких сабельных степей?

Кто вложил в сиянье глаз раскосых
Стрелы, что так ранят тяжело?
Кто придумал сердце без вопросов,
Что меня с тропинок увело?

В этой тьме я верю только Богу,
Человек не властен над душой.
Что же мечется она в острогах
Моей жизни, грешной и святой?

Что ж не устаю тебя я слушать?
Что ж ловлю в распахнутую грудь
Копья рифм, пронзающие душу?

Чтоб в крови сомнений утонуть.

Заржавела запертая дверца.
Так зачем пытаешься ты вновь
Положить в обманутое сердце
Эту раскалённую любовь?

Юность, поцелованная Богом!
Молодость, зовущая к борьбе!
Что ты позабыла за порогом,
Что быть может не простят тебе?

Знаю, милый Ангел, ты умчишься
К тем, что брошены в твоей стране.
Птицей в синей дымке растворишься,
Лишь пустую степь оставив мне.

Рыцарь мой, без страха и упрёка!
Умоляю! Не суди меня.
Мне и так по жизни одиноко
В полумраке завтрашнего дня.

Так пугает раненное сердце
В блеске молний, вспышками во мгле,
Силуэт степного иноверца
С Божьим ореолом на челе!

04.12.05

За три года были две попытки уйти от мужа. Первая стала крайне позорной. Муж твердил каждый день, что уйдёт из дома, что я негодная предательница, что он страдает и не доверяет мне. Давил на жалость и в конце концов выдал меня из дома. Протянула руку помощи Лилит. Приютила, дала денег на первое время. Я, по приезду, сразу же написала тебе, что ушла от мужа и жду тебя. Ты не приехал. Не поддержал. Отстранился. Оказалось, что муж потребовал встречи с тобой и там ты обещал ему, дал слово, что не станешь мешать нам. И беспокоить меня. Я осталась ни с чем. Жутко испугалась. У меня не было работы и друзей в городе. Лилит уехала и мне не с кем было поговорить. Я мучилась и рыдала. А наутро вернулась к мужу. Как побитая собака.

Все об этом знали. Весь посёлок. Я старалась не выходить из дома. Не попадаться на глаза прохожим. Мне казалось, что все презирают меня и показывают пальцем.

Прошёл ещё год. Мы с тобой не общались. Я ничего не знала о тебе. Лишь однажды, в тайне от мужа зашла на официальный сайт союза литераторов и увидела твоё фото на одном из выступлений. Меня поразили твои руки! Они были жутко худые. Ты ещё больше поседел и выглядел измождённым. Я горько заплакала. Мне было жаль тебя.

Мне всё время казалось, что ты несёшь чужой крест. Что

погибаешь без моего светлого целительного чувства и заботы. А главное я была уверена, что могу спасти тебя. Как я ошибалась!!!! Невозможно спасти того, кто в этом не нуждается.

Ты вполне комфортно жил в своём мире, иногда вздыхая обо мне и вспоминая с лёгкой грустью. Влюблялся, заводил короткие романы, в то время, когда я совершала сотый круг хождений по мукам.

Вторая попытка удалась. К тому времени мы с мужем развелись. Я потеряла надежду на встречу с тобой. И мне было всё равно, где жить, лишь бы прекратить эту каждодневную муку. Пытку совестью. Я винила во всём себя. Корила и тем самым убивала. Пошли бесконечные болячки. В итоге иммунитет так упал, что я с трудом размыкала глаза и дышала. Тело стало буквально гнить. И тут сработал мой мощный инстинкт самосохранения. Я сняла квартиру в том же селе и ушла. Дети выросли. Старшая дочь вышла замуж, сын ушёл в армию. А младшая дочка сделала выбор в пользу отца и осталась с ним жить. Я долго умоляла её уйти со мной. Но она категорически была настроена остаться с отцом. Целый год я ждала и надеялась, что она передумает. Жила в неотапливаемой квартире. Совсем одна. Много молилась и стала вести дневник. Благодаря ему, сейчас могу вспомнить все подробности того нелёгкого времени. Вообще, в тот период меня спасла вера. Православие стало для той самой крепкой опорой, на которой я выстояла. В то вре-

мя молитва шла легко и работала. Писались песни. Все свои самые пронзительные стихи я написала именно тогда, в холодной квартире, вдали от семьи и родного дома. Однажды дочь попросила забрать мои фото из бывшего дома. Я пришла и увидела, что муж собрал в чемодан все фотографии, где только я и выбросил его во двор, в снег.

Жила я впроголодь, в тоске и неизвестности. Сильно похудела. Вся одежда буквально висела на мне.

А потом мне объявили, что кондитерский цех закрывается. Другой работы в селе не было. Дочь не хотела жить со мной и я решила уехать в город.

Решение далось непросто, но выхода не было.

И тут случилось чудо! Я приехала на литературные посиделки и встретила там тебя. Сохранилась видеозапись на которой я пою, а ты смотришь на меня и на лице твоём видна вся палитра чувств! И, вдруг, весь гаснешь, опускаешь плечи, откидываешься на спинку дивана и закрываешь глаза. Потрясён и раздавлен. Обо мне и говорить нечего! Я замирала, руки дрожали, сердце подскочило к горлу и там билось. Ты встал и взглядом позвал меня на балкон. Я вышла. Мы бросились друг к другу. Обнялись. Я сказала, что рассталась с мужем и ушла. Что живу одна. А ты ответил, что тосковал по мне и сейчас готов к созданию семьи. Мечтаешь о детях и ждёшь от судьбы второго шанса на счастье. Ты это всё говорил, а за стеной сидела твоя женщина. И говорил ты это потом мне ещё много раз, перепевая одну и ту же старую песню

о семье и счастье. А за стеной неизменно сидела твоя женщина, а я всякий раз верила... и длилась сия песенка семь лет. Об этой встрече я написала стихотворение

Потеря

Е.Б(Г)

Мы с тобою обрели друг друга
После долгой, горестной зимы.
Как же тяжела, страшна разлука!
Но теперь мы вместе. Вместе мы!

И своим рукам, глазам не веря,
Я к тебе прижалась не дыша.
Здравствуй, моя горькая потеря,
Трепетная, страстная душа!

А в руке дрожала чашка чая,
Пальцы угодили мимо струн.
Ликовал, любовь мою встречая,
Солнечный, ноябрьский колдун.

Как жила я без тебя три года,
Знаю только я, и знаешь ты.
Как моя пропащая свобода
Заблудилась в дебрях пустоты.

Как спала я без тебя три века
В той пещере на семи цепях?
Повернулись вспять большие реки,
Горы возвышаются в степях.

Мы ходили за ворота ада.
Для кого-то нет пути назад.
Только вспоминать о том не надо,
Не для сердца любящего ад.

И, за партой отсидев у Бога,
Стала я терпимей и мудрей.
Много, давший, взыскивает много
Со своих возлюбленных детей.

И своим рукам, глазам не веря,
Я к тебе прижалась не дыша.
Здравствуй моя горькая потеря,
Трепетная, страстная душа.

18.11.10

Ну, а пока ты позвал пожить к себе. Деваться мне было некуда и я согласилась. Переезд получился странным. Я наняла машину, приехала со своим скарбом, а ты спал пьяный.

И только твоя женщина смотрела на меня с жалостью и презрением.

Так я и прожила у тебя полгода. Сказать, что пребывание в твоём доме было странным и нелепым – не сказать ничего. Никого не устраивал такой расклад. Все, кто были свидетелями этого, мягко говоря, пребывали в шоке. Молча осуждали меня и тебя. А твою женщину всегда жалели.

Но именно в то злополучное время шла непрерывная, упорная, радостная, творческая работа. Мы умудрились записать мои песни и совместные дуэты. Выпустили несколько дисков. Много выступали. И были чудесные моменты невероятного сближения и единения. Наши голоса сплетались в узоры, перекликались и дополняли друг друга. У меня сохранились аудиозаписи репетиций. Где, в перерывах между пением, шутили и смеялись. Мы были счастливы тогда. Иногда я прослушиваю их. И снова попадаю в ту нашу прокуренную комнату, полную сотворчества и влюблённости. Ты открыл для меня мой голос. Именно благодаря тебе я впервые услышала его в записи и поняла, что он прекрасен.

Именно ты научил меня бережно относиться к моему творчеству. Буквально запирали в своей домашней студии и заставляли петь и шлифовать исполнение. Много тогда написано песен на стихи других поэтов. На своём примере ты показал, как важно самовыражение и что нужно уметь слышать и понимать других. Необходимо творить и дарить себя людям, несмотря ни на что. Много лет спустя ты с грустью и но-

стальгией вспоминал то прекрасное и светлое время. Именно тогда и состоялось наше счастье. Оно было совсем не таким, каким я хотела, но оно было, а я даже не заметила, потому что ревновала, устраивала тихие истерики, требовала от тебя определиться, хлопала дверью, ставила ультиматумы, собирала вещи и уходила. А ты терпеливо объяснял, что на всё воля Божья, что ничего предпринимать не будешь. Всё само собой решится. Что бросать больного человека ты не можешь и выгнать бездомную женщину не в силах. Об этом я тоже написала в стихах :

Боевая подруга

Е.Б(Г)

Кто я тебе? Никто и не спрашивал,
Пили и ели, хвалили хозяйку.
От избытка по-царски, по-нашему
Мне отделили солдатскую пайку.

Кто я тебе? Никто и не спрашивал.
Люд к вам явился весьма деликатный.
Дело житейское, что же тут страшного?
Кто не бывал с одинокой солдаткой?

Кто я тебе? Какая безделица!

Не для того созывали застолье.
Скатертью белую под ноги стелется
Жизнь горемычная. Не всё равно ли?

Кто я тебе? Никто не признается,
Есть у «своих» круговая порука.
Кается, мается, как полагается
Снова на пост, боевая подруга!

22.02.11

Жили мы в противоестественном треугольнике. По началу ты утверждал, что она тебе только как сестра. И отношения ваши давно платонические. Потом выяснялось, что это далеко не так. У вас с ней было всё . Отношения у тебя с ней были тяжёлые, мучительные, испепеляющие. Но в то же время близкие и устоявшиеся. Иногда родственно – тёплые. Смесь жалости и ненависти. Пошли скандалы, сцены ревности, ваши общие с ней застолья, бесконечные алкогольные загулы. Я дважды останавливала твои запои. И потом чувствовала себя так, будто попала под поезд, который тормозила голыми руками. Приходила с работы и запиралась в комнате и слушала музыку. Именно тогда открыла для себя Жанну Бичевскую и Булата Окуджаву. Ездила в паломнические поездки по святым местам. Везде, у всех святынь и икон умоляла Господа сохранить во мне чувство любви.

Жить ею, быть ею, дарить её. Но у меня плохо это получалось. Возвращалась и снова падала на самое дно отчаяния. Я всё ещё сильно любила тебя. Мне жизненно необходимо было быть рядом с тобой.

В то время мне попался на глаза фильм «Дневник его жены». В нём рассказывалось от лица Веры Муромцевой о том периоде, когда её муж – Иван Бунин привёл в дом Галину Кузнецову и сказал, что она отныне будет с ними жить. И длился это странное сожитительство довольно долго. И все мучились и терпели. Вот и у нас происходило нечто похожее. Только там была вилла на юге Франции, великий русский писатель, его жена – талантливая пианистка и физик, и Галина – симпатичная, в меру талантливая поэтесса. У нас же всё было местечковее, мельче и ореолом высоких чувств не овеяно. Закончилось всё банальным скандалом. Я съехала в общежитие. О той женщине скажу, что будь я на её месте, не позволила бы даже случиться такому. А если бы и случилось, тут же ушла. Но каждая из нас оказалась махровой эгоисткой. Упрямство и бабская мелочная склочность не позволила нам найти другого выхода, как тянуть тебя каждая в свою сторону. Ты страдал и разрывался между нами. В итоге мы много раз появлялись на публике в таком виде: впереди идёшь ты, как всегда, светлый и прекрасный, а позади смущённый твой гарем. Мысленно я уже много раз раскаялась и просила прощения у неё. Если можно было бы вернуться в прошлое, то ни за что на свете не повторила бы этой ошибки.

Не стала бы там жить. Но история не терпит сослагательно-го склонения. Что было, то было. Маленьким оправданием служит тот случай, когда я помолилась на ночь и жарко просила святого Серафима Вырицкого ответить мне на вопрос: почему я здесь? Зачем я здесь? А ночью проснулась от треска. Выскочила на кухню и увидела, что весь потолок горит и огонь перекинулся на стенные шкафчики и стену. Я разбудила ту женщину, а ты был на дежурстве, и стала тушить пожар. Плескали водой из ведер. Удивляюсь, как меня током не убило? Оказывается она забыла выключить нагревательный прибор для воды. Он и загорелся. А когда тушили, всё засверкало. Случилось замыкание. В итоге пожар потушили. Может я там оказалась, чтобы спасти твой дом? А скорее всего, пройти школу унижения женской самости. Школу принятия всего, что не входило в мои понятия чести и гордости. Жизнь представлялась устроенной просто: встретились два человека, полюбили друг друга, (обязательно оба влюблены, а не один кто – то!), преодолели всяческие препятствия на пути к счастью, (а как же без трудностей?!), поженились и стали жить счастливо вместе. А постылая соперница обязательно устраняется и конечно же она стерва. Но жизнь такая выдумщица! И ни в какие планы, сценарии и наши представления о ней не укладывается!

Дневниковые записи того времени переполнены размышлениями о необходимости духовного роста, попыток перековать себя, быть выше таких низких страстей и эмоций, как

ревность. О том что человеческая душа не принадлежит никому, кроме Бога и следовательно присвоить её, как и обладателя её, невозможно и греховно. Пыталась смотреть на ситуацию с точки зрения принятия всех несовершенств любимого. Убеждала себя, что вся эта ситуация создана для того, чтобы я поняла, что надо прощать и принимать всё, что не нравится. Становиться мудрее и сильнее. В итоге сильнее я стала, потому что это меня не убило.

С моим переездом наши отношения не прервались. Ты приезжал ко мне и мы уже свободно могли любить друг друга. Хорошая физическая близость далась нам не сразу. Долго шли к этому. Ты стал мне самым лучшим любовником. Нежным и страстным. Опытным и трепетным. Именно ты пробудил и полностью раскрыл во мне чувственность. Раскрепостил и научил понимать и принимать своё тело. И мне невыносимо нехватает близости с тобой. Но именно тогда, когда нам уже ничто не мешало, ушла куда-то творческая составляющая наших отношений. Всё перешло в иную, будничную плоскость. Ты приходил, любил меня и уходил. И сам сокрушался о том, что мы давно ничего не создаём вместе, как когда-то. А я чувствовала полное одиночество. Ты появлялся желанным гостем, приносил вкусности, земные плоды и новые стихи. Мы пели друг другу свои свежеиспеченные песни. Но это было редким счастьем коротких встреч. Вся твоя основная жизнь проходила где-то там, далеко. А я всякий раз оставалась одна.

Мечтала о земном, простом, семейном счастье с тобой. Ты часто заговаривал о свадьбе. Мечтал и меня увлекал в свои грёзы. Но, много позже, я поняла, что эти разговоры были из разряда теории, одним из вариантов параллельной Вселенной. Художникам, вроде тебя, присуще такое свойство – игра с возможностями Судьбы. Вера в её повороты без вмешательства человеческой воли.

В начале отношений я видела в тебе Бога, гениального поэта, восхищалась твоей творческой натурой. Про себя прозвала «соловиной душой». Ты, как божья птица, только пел и совсем не заботился о быте. Меня не пугала твоя неустроенность, непрактичность. Я ценила в тебе необыкновенную душу. Затем, пожив с тобой, я узнала тебя повседневного, домашнего. Видела все недостатки и слабости. С тобой было почти невозможно существовать в одном доме. Кротость и доброта сочетались с требовательностью, раздражительностью и даже деспотизмом. Но я продолжала любить.

У тебя были золотые руки. Умел всё на свете! Все ремёсла подчинялись без сопротивления. Владел сварочным мастерством, кузнечным, гончарным. Разбирался в электричестве и технике. Самостоятельно осваивал компьютер. Оборудовал звукозаписывающую студию. Печатал диски. Был прекрасным художником. Из под сильных, мощных пальцев, что гнули металл в замысловатые узоры, выходили прекрасные рисунки, скульптуры и тончайшие статуэтки. Шлифовал камни, сажал деревья, перестраивал и чинил дом. Вкусно гото-

вил, любил природу и животных. И до боли в сердце обожал Родину. Воспевал и переживал за её судьбу. Имел много друзей и поклонниц. Меня поражало твоё стремление придти на помощь всякому, кто в ней нуждается. Сопереживание ближнему. Запомнился один случай, который точно характеризует тебя, как бесстрашного рыцаря.

Однажды после дружеских посиделок у одной художницы мы вышли в подъезд. Вдруг в одной из квартир раздался крик женщины. Она звала на помощь. Ты среагировал молниеносно. На плече висела неизменная твоя спутница гитара. Не снимая её, ты одним ударом ноги выбил дверь, ворвался в комнату и отшвырнул обидчика. Потом выяснилось, что это была обычная для этой семьи потасовка. Они попросили прощения, ты убедился, что женщина в безопасности и ушёл. Произошло всё так быстро, что я не успела осознать случившееся.

Ты подарил мне поездку в Москву. Показал все её чудесные уголки. Сводил на могилу Высоцкого и Есенина. Этих двух поэтов ты почитал и поклонялся их гению. На Арбате купил и подарил книгу Хемингуэя. Недавно нашла в ней надпись: « Вспоминай, моё солнышко, моя Резедушка наш с тобой Арбат! Пусть ненадолго, но наш. Мы ещё вернёмся сюда... Твой Гранд ».

Иногда ты представлялся мне Дон Кихотом. Неприкаянным и храбрым рыцарем, бьющимся с коварными мельницами.

Однажды я убедилась воочию, какой невероятной силой обладали наши с тобой песни. Мы по приглашению паломнического центра «Преображение» выступали на площадке православной выставки. Рядом в двух шагах от сцены разместили икону Николая Угодника. Пели попеременно то ты, то я. На третий день икона замироточила. Допускаю, что это совпадение. Но ещё один случай показывает, что наш союз по видимому, мешал тёмным силам. Мы сидели с тобой у Лилит. Она была в отъезде. Ты пел песню о Марии Египетской. Вдруг в прихожей открылась входная дверь и с громко захлопнулась. Я знаю, что она была запертой. За тем дверь туалета также открылась и резко захлопнулась. В квартире кроме нас никого не было. Я испугалась, а ты насторожился. Потом в кухне раздался грохот. Что – то упало. Мы пошли посмотреть и увидели, что большое, старинное зеркало в деревянной оправе валяется на полу. Рядом лежат несколько иконок. Крепления были в порядке. Выглядело так, будто неведомая сила смахнула всё это со стены. А за тем случилось совсем необъяснимое. Мы отправились на выступление. Через некоторое время позвонила Лилит и сказала, что вернулась, но не может попасть в квартиру. Дверь заперта изнутри. Она подумала, что я дома и открою ей. Дело в том, что та дверь запиралась ключом со стороны подъезда. А внутренний замок при этом не закрывался и вообще много лет не функционировал. Им не пользовались. Когда вскрыли балконную дверь и вошли в квартиру, выяснилось, что

дверь заперта изнутри на три полных оборота. А на аккуратно мною заправленной кровати виднелись следы маленьких то ли лап то ли копыт. До сих пор для меня остаётся загадкой то происшествие. Кого тогда мы с тобой разозлили? Вообще с мистикой приходилось сталкиваться.

Вспоминаю давний сон: ты держишь меня на руках. А вокруг нас ползает огромная змея с головой мужчины. Он смотрит на меня с ненавистью и крайним изумлением и проносит злобным шёпотом : «Почему она до сих пор живая? Не понимаю! Почему она всё ещё живая?!». А ты поднимаешь меня всё выше. Держишь из последних сил над головой. И говоришь : «Не отдам ему!». Я просыпаюсь.

А незадолго до твоей кончины я вышла из дома и увидела на обочине, в сугробе вкладыш от компакт диска. На нём большими буквами написано: «Фирма ГРАНД». К тому времени мы долго не виделись. И я подумала , что может надо позвонить тебе. Но прогнала мысль. Вкладыш три дня лежал под сильным снегопадом, но каким – то чудом не был завален им. А ещё дворники хорошо убирали участок и подбирали все бумажки, а эта осталась. И я каждый день видела слово «ГРАНД ». Вселенная посылала знак, но я не увидела.

Взаимные обиды и ссоры возникали всё чаще, и я , подобно волне, всякий раз разбивалась о тебя, как о скалу. Падала и вставала, и снова падала, и снова поднималась. Я всё время качалась на эмоциональных качелях, переходя от полной

эйфории к беспросветному отчаянию.

Однажды решив ничего не предпринимать, ты уже сделал свой выбор – оставить всё как есть и ничего не менять. Живя со мной, тебе нужно было бы подтягиваться и физически, и материально. Это очень трудно, перекраивать себя и свою жизнь ради кого-то. А с ней тебе было удобно.

У тебя началась сплошная полоса болезней и травм. Сначала упал и сломал ключицу, готовился к операции по исправлению неправильно сросшейся кости, появился кожный зуд от контакта с водой, болело сердце, потом разрезал большой палец руки болгаркой. Началось загнивание. Никакое лечение не помогало, и я посоветовала пойти в подворье Комаровского женского монастыря. Там находились частицы мощей святого архиепископа Луки. Ты долго молился и палец потом быстро зажил. Судьба буквально ломала тебя, резала на куски....

В последний год ты просил родить ребёнка. А я чувствовала, что у нас мало времени. И говорила об этом. Помню, мы сидели рядышком и, вдруг, я почувствовала, что скоро потеряю тебя. Я сказала: «Женя, не хочу тебя хоронить. Обещай мне не умереть раньше меня». Ты засмеялся и сказал, что когдто-то цыганка нагадала семьдесят лет жизни. Ты и задуман был природой надолго. Крепостью и силой мог бы помериться с любым. Недаром твоё дерево-оберег кедр. Эти деревья доживают до пятисот лет. До сих пор твой уход я считаю чудовищной ошибкой.

Ты обещал, что всё изменится и у нас впереди ещё много дней. Твоя женщина периодически психовала и уезжала. Ты тосковал по ней. Звал меня. И я всякий раз прибегала. Разгребала бардак, утешала и... натыкалась на жалостливые послания, где ты просил её вернуться. И снова с разбитым сердцем и рухнувшей верой во всё человечество приползала домой зализывать раны.

Твоё сердце было слишком большим. Оно могло вместить многих.

Мои розовые очки упали и упали, пока не закончились. Я устала от одиночества и разочарований. У меня появились мужчины. Ты ревновал, укорял, страдал. Мы часто ссорились, я была грубой. Ты оскорблялся и молчал по многу дней. А потом всё начиналось заново. Мы повисли над пропастью в каком-то мучительном последнем прыжке. Это продолжалось бы до сих пор, но ты умер.

За два дня до кончины прислал смс. Просил приехать. Писал о том, что боишься умереть, не увидев меня. Я даже не ответила. О чём тяжело сожалею.

В последние годы ты глубоко полюбил меня. Смог лёгкую влюблённость перековать в любовь. Сам об этом говорил. И удивлялся невероятной силе своего чувства. Однажды ты написал об этом в письме:

Евгений Гранд (08.04.2014 21:30)

Милая, с тех пор, как я по-настоящему полюбил тебя, меня не покидает изумление от того, что больше уже ни к какой другой ничего не испытываю... Это со мной в первые... Прямо кризис получается))))))Что ж так сердце то стучит?... Чуть не до обморока... Когда тебя вижу Хороша!!!..... Ох любовь – штука смертельная)))))) Придётся наверное мне в монастырь уходить)))) Не могу... Резедушка... К тебе меня сразу тянет... Непреодолимо просто (((((Я ж с тех пор больше не целую и не обнимаю никого.)))Тоскую по тебе, родная... и люблю.... Как никогда никого не любил. Наверное это и есть... последняя любовь... И сладкая, как плоды осени... и терпкая, как её аромат... и горькая, как листья полыни, что растёт у входа к дому моему... и которую я почему-то тоже люблю, и не скашиваю, как остальную траву.... Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, МОЙ МИЛЫЙ АНГЕЛ, РЕЗЕДУШКА!!!

Милый мой, любимый Женя, благодарю тебя всем сердцем и всем своим существом за твою любовь! За то, что тогда, много лет назад, не оттолкнул влюблённую меня. С благодарностью отозвался на моё чувство и принял его, как драгоценный подарок Судьбы. Не знаю, из какого бездонного колодца мудрости мы черпали силы на такие сильные чувства ? Как ты выносил все мои капризы, скандалы и оскорбления? И как я могла, с моей гордостью, принимать такое положение вещей?

Вместо того, чтобы радоваться каждой минуте общения с

тобой, ликовать от того, что Судьба всё таки соединила нас и позволила состояться нашей любви, благосклонно позволила быть вместе, я всеми силами старалась присвоить тебя себе. Переделать. Сделать удобным. И в этой борьбе не замечала, что время твоё уходит. Только сейчас я осознала всю быстротечность человеческой жизни. Её хрупкость.

Ты стал моим Учителем. Не только возлюбленным, другом, соратником по творчеству, но и мощным рычагом, сумевшим перевернуть мою жизнь и направить её в нужное русло. Спасибо тебе за все минуты радости, счастья и близости. За твою неоценимую помощь. Ты всегда приходил, если я звала, лечил, если я болела, утешал в невзгодах. И любил. Той настоящей Божьей, бескорыстной, всепрощающей любовью, которой нам всем ещё только предстоит научиться....

19. 10.18

Письмо папе

Здравствуй папа... Нелепая фраза.... Здраваться с тобой бессмысленно, ты же давно умер. Да и папой, мне кажется, я никогда тебя не называла. По крайней мере, не помню, чтобы я к тебе обращалась словом «папа». Может быть в глубоком детстве?.. От которого в памяти мало что осталось. Мне вообще от тебя мало что осталось. Фотографий нет, документов или твоих родственников, которые могли бы мне

хоть что-то о тебе поведать, тоже нет. Не осталось дома в котором ты жил. Даже могилы я твоей не нашла. Хотя так долго и упорно разыскивала! Обошла оба мусульманских кладбища в пригороде, где предположительно могли тебя похоронить. Я не знаю, как хоронят самоубийц по исламским законам. Наверное, тоже не жалуют. Скажи, папа, почему у татар не принято ухаживать за могилами? Я испытала величайшее потрясение, продираясь сквозь непроходимую чащу. Но когда я, заблудившись, буквально прорвалась к одной безымянной могиле, то клён, росший возле неё, так резко и надрывно закрипел, что я вздрогнула. Это был жуткий человеческий стон! В тот же момент ветка сорвала с моей головы платок, а за юбку ухватилась какая – то коряга. Меня охватил первобытный ужас. Я закричала. Может это был ты, пап? Заброшенность ужасная! Наверное, потому что они всегда были кочевниками. Похоронили и дальше отправились. И генетически не заложено в них чтить место захоронения. Я не нашла твою могилу. Я даже попросила своего друга зайти в мечеть и спросить, не велись ли в девяностые учётные книги по умершим? Нет, конечно! Архива тоже нет. Ничегошеньки от тебя не осталось! Даже могилы. Осталась я и моя память.

Я толком о тебе ведь ничего не знаю, папа! Как же так?! Как случилось такое? Как случилось, что я – твоя дочь, не знаю отчего дома, не изведала твоей отцовской любви, не чувствую большого папиного плеча? Не могу с тобой поговорить и спросить совета. Всё, что касается понятия

«отец» у меня отсутствует. Вместо этого зияет огромная дыра. Она просто космических масштабов... эта дыра. Она ледяная, чёрная, всепоглощающая, чудовищно-несправедливая. И мучительная.

И всё же, я решила написать тебе. Потому что необходимо. Наболело. Надо освободиться от этой боли.

Мне всю жизнь тебя не хватало. Так сильно, что я помню свою всегдашнюю тоску по тебе. И в детстве, когда мне было плохо или кто-то обижал, я всегда мысленно звала тебя. Помню, как рыдала от обиды и жаловалась тебе невидимому. Я всю жизнь завидую детям, у которых есть отец. Они настоящие счастливицы! А уж если ещё папа не пьёт и заботливый, тогда жизнь удалась!

В памяти всплывает одна картинка: мне 8 или 9 лет, я стою в большущей луже. Лужа ледяная, потому что это конец марта, кажется. Я в резиновых сапогах стою в воде, ноги замёрзли. Но я не уйду. Всё стою и жду тебя. Мне сказала мама, что возможно ты приедешь. И я жду. Надо мной синее, бездонное небо. Подо мной тёмная вода. А я жду. .. Ты не приехал.

Но это было позже. А лет в семь (видимо, сразу после вашего развода и нашего от тебя отбытия) я очень сильно испугалась, когда мне кто-то из соседей сказал, что ко мне отец приехал. И показали на тебя. Ты шёл с портфелем в руках мне навстречу. Меня охватил такой страх при виде тебя, что

я убежала. Помню, как разыскала мать и сказала ей, что ты здесь. И, видимо, у меня был очень испуганный вид, т.к она строго прикрикнула на меня, чтоб я не тряслась. Мол, приехал и ладно! Чего ты перепугалась? И правда, чего это я – маленькая девочка так занервничала? Не потому ли, что мне мама часто рассказывала о чудовищных побоях и унижениях от этого папы? Как он в пьяном приступе гнева выгонял нас из дома. Как мы: я, старшая сестра и мать, прятались по соседям. Тряслись от страха и умоляли соседей не открывать дверь, за которой папа бушевал.

Мне она долго внушала, что ты – пьяный монстр. Я в подробностях, которых не надо было выкладывать маленькому ребёнку, знала о всех твоих издевательствах над ней. Она бесконечно нам с сестрой рассказывала о том, как ты бил её по голове кастрюлей, как насиловал её по ночам, как ломал и крушил мебель.

Детская психика гибкая и изобретательная, и милосердная. Я ничего этого не помню. Всё знаю со слов матери. И эта одна сторона медали. Только одна сторона. Ребёнок доверчив и внушаем. И, конечно, был, этот мой испуг, естественной реакцией. Ведь тогда я знала только то, что ты страшный садист и монстр. Но вот ты приехал. Привёз подарки. Я даже помню что ты привёз. Из нелепого портфеля (почему портфель?) ты достал банку вишнёвого варенья и кулёк вкуснейшей, белоснежной, тягучей пастилы. Вкус и того и другого помню до сих пор!

Больше я тебя не боялась. Страх исчез постепенно. Наверное оттого, что ты навещал меня и даже увозил в город на такси, погостить. Ты всегда забирал меня и привозил обратно к маме на такси. Наверное в этом был шик. А может просто удобно. Но ты приезжал в мой день рождения. Значит помнил! И мы ехали по нарядному мосту украшенному флагами к майским праздникам. С тех пор такси и майские праздники стойко ассоциируются с тобой. И я привыкла к тебе. И ты оказался не страшным и не злым, и не пьяным, и не жестоким. А любящим и нежным. Вот же парадокс!

Это сейчас я во всём разобралась и поняла всё-всё про тебя и маму. Мне сорок лет. Я взрослая женщина. Я знаю мужчин и знаю жизнь. Все ужасы, которые она рассказывала, были. С ней, не со мной! Её ты не любил, возможно. Меня любил. Я это точно знаю. Её ты бил и унижал. Не меня! Мы с сестрой оказались заложниками и свидетелями ваших с мамой разборок. Тебе было плохо с этой женщиной. Ты мучился. И нашёл единственный для себя выход – пить. Пить и вымещать свою боль и злость на ней. Таким древним и страшным способом. К сожалению, наш российский мужчина не слишком задумывается над вопросами травмы детской психики. Ему плохо с женой – он пьёт и бьёт. Я не оправдываю тебя, папа. Нет. Я пытаюсь тебя понять. Понять человека и его поступки можно только любя его. А я тебя люблю. Несмотря ни на что.

Ведь маму я знаю гораздо лучше тебя. Я с ней прожила

бок о бок почти 20 лет. И зная её характер, могу предположить, что она напрашивалась. Да- да! Пусть это и звучит жестоко, но она действительно напрашивалась. Такую тёмную и пагубную женскую энергию ни один мужчина долго не вынес бы. Умер бы или вот как ты спился. У неё ведь долго был мужчина. Дядя Серёжа. Шофёр. Я любила его, как родного. В начале их отношений он был добрый и весёлый. И не пьющий. Ни капли! Но за 10 лет рядом с моей мамой он спился. Прямо на моих глазах постепенно превратился из хорошего парня в алкоголика. Все мамины мужчины рано или поздно портятся. Я знаю, что женщины делятся на две категории: созидающие и разрушающие. Вот мать относится к категории разрушительниц. Такие женщины, при всех своих замечательных качествах, своих мужчин медленно убивают. Они могут быть отличными матерями, хорошими специалистами. А вот просто добрыми, любящими, благо дающими женщинами быть не могут. Не дано этого. Или не захотели развить в себе эти способности. А ведь могли бы!

Так что, папа, у тебя не было шансов.

Вспоминаю тебя всегда отрывочно, хаотично. В хронологии событий путаюсь совсем. Но вот что странно – ничего страшного или плохого не помню.

Вот в памяти всплывает вечер, когда ты учил меня плавать. Держал над водой в своих сильных, больших руках. А потом с восхищением заметил, что у меня груди уже наметились. А вот ты везёшь меня на велосипеде из пионерско-

го лагеря. Я сижу на раме. Сзади болтается рыжий чемодан. Мы подъехали к железнодорожному переезду, ты не удерживаешь равновесие, и мы падаем. Может ты был чуть пьян? Не помню. Кажется, ещё тогда плащ мой в лагере забыли и мать ругалась.

А ещё помню сильнейший ливень. Мы с сестрой бежим по траве. Вода стеной льётся на нас. И, видимо, мы с ней сбиваемся с курса и бежим совсем не к дому, где ты нас ждёшь. И, вдруг, сквозь шум воды я слышу пронзительный свист. И вижу, что ты стоишь на крыльце и зовёшь нас. Криков мы наверное не слышали. Может ты даже спас нас. Ведь мы бежали в противоположную сторону от дома, а там овраги.

А ещё вспоминаю, как ты просил походить тебе по спине. И я осторожно наступала босой ножкой на твою спину и, замирая от счастья, ходила по тебе. А ты охал от удовольствия.

Я совсем не помню, как ты выглядел. Остались только обрывки. Помню твои руки. Ты нёс меня на них, а рядом шла мама и за что – то тебя сильно ругала. А я её за это боялась. И, когда она заходила справа от тебя, то я перелезала влево. Пыталась от неё отдалиться. А ты терпеливо переносил меня с руки на руку и слушал, как тебя пилит жена. Рубашки твои помню и несколько вещей, тебе принадлежащих. Перочинный ножик, подтяжки, гантели. А ещё помню маленькую дырку в твоём большом пальце руки. Она, почему то была сквозная. И ты рассказывал, что это большой станок на заводе тебе такую дырку сделал. Шутил, конечно. Я верила. И

вообще, где же и кем ты работал, папа? Не знаю. Наверное рабочим. Быт твой был всегда неустроенным. Осталось ощущение кочевности, твоей неуютности, аскетизма обстановки комнаты в общежитии. В котором ты почти всю свою жизнь прожил.

Общагу эту хорошо помню: стол с клеёнкой, а под ней ты оставлял для меня мелочь на мороженное. В этом общежитии на заводской окраине города я родилась и росла до 6 ти лет. А потом мать нас с сестрой увезла от тебя. Помню то утро отчётливо. Детская память избирательна. Она выдаёт только самое главное. Я проснулась от боли в шее. Меня закутали, посадили в кабину самосвала, дали в руки настенные часы, и сказали, что мы навсегда уезжаем от отца, потому что он нехороший. Я слышала, как ты просил маму оставить меня. А потом машина тронулась и я увидела, как моя подружка машет мне в окно рукой. Прощается. Неизвестная маленькая подружка из смутного детства. Больная шея не позволила мне обернуться и напоследок взглянуть на тебя. Так я и запомнила тебя в дверях машины, умоляющего оставить меня.

От того, что я не знала тебя, у меня плохо с мужчинами, папа. Все настройки сбиты. Примера настоящего отца нет. И выбираю я всё время не тех. Я несчастна, папа. А мой любимый мужчина очень похож на тебя! Он такой же большой, любитель выпить, грозный, непримиримый, буйный. Но это в прошлом. Сейчас он стал мудрым, успокоился, терпеливый

и добрый. И наверное, так же как ты, любит меня. Но ведь выбрала-то я мужчину, который никогда не будет рядом со мной. Мужчина приходящий. Как ты! Кстати, из его рассказов о прошлой семейной жизни я многое угадала и твоё! Они с женой так же буйно выясняли отношения, так же он громил мебель, так же уходил в запои и так же, их дети были несчастны. Благодаря истории моего возлюбленного, я много поняла о тебе.

Странно, но ты ни разу мне не снился. Только один единственный раз видела я сон. Ходила и искала дом зелёный. У всех спрашивала, где здесь зелёный дом? Почему именно зелёный? Видимо отсылка к зелёному цвету ислама. И вот я нахожу дом, в котором ты живёшь, вхожу в подъезд, и жду тебя. Знаю, что ты поднимаешься ко мне на лифте. И в то же время понимаю, что ты давно мёртв, но жду. Открываются двери лифта. Ты выходишь из него и идёшь мне навстречу. Хочешь обнять. И вдруг прямо на глазах меняешься. И подходя, превращаешься в мою мать. И уже она обнимает меня. Не ты.

Темпераментом ты обладал ураганным видимо. Я это от тебя унаследовала. А ещё склонность к суициду. Попыток повеситься у меня не было. Но думаю об этом регулярно. В здравом уме это сделать нереально. Вот и ты свёл счёты с жизнью, наверное, в приступе белой горячки. Думаю, что пил ты по-чёрному. Мать говорила, что плохо и страшно жи-

вёшь. Ох, папа! Не поспособствовала ли я этому? Вот что мучает меня! Я же обидела тебя. Ой, как сильно ранила. В самое сердце ударила.

В последний раз мы виделись с тобой в году 89-м, кажется. Мне тогда уже 14 исполнилось. Но никакой подростковый максимализм не может меня оправдать! Папа, милый, помнишь, как приехал, мы сидели с тобой на диване и ты смотрел на меня. Любовался наверное. И сказал, что я выросла и похорошела. А я в ответ зло и чётко дала отповедь. Ругала за жестокость, за предательство. Рассказы матери сделали своё дело! И что – то ещё там бормотала. И запретила тебе приезжать. Я не помню твоего лица в тот момент. Я вообще твоего лица не помню. Но почувствовала и со злорадством отметила для себя, что тебе больно. Ты больше не приезжал. А через четыре года я узнала от матери, что ты повесился.

Страшно думать о том, что мои слова убили в тебе надежду, может оборвали ту тонкую ниточку, что держала тебя на земле. Не знаю. Может быть, многолетнее пьянство сделало своё дело и душа твоя погибла и без моей помощи? Не знаю....

Пишу и плачу. Запоздалыми слезами раскаянья. Милый мой, несчастный мой папа! Прости ты меня. Отпусти этот грех тягчайший! Сокрушаюсь и бесконечно жалею о своём поступке. Но ничего сделать уже нельзя. Тебя ни спасти, ни вернуть невозможно. Если тот свет существует, если где-то во Вселенной есть такое место, где встречаются души род-

ственников, то у меня есть крохотная надежда тебя увидеть и рассмотреть твоё лицо. Хорошо его разглядеть. И попросить прощения. Покаяться и сказать, что всю свою жизнь тебя люблю, совершенно тебя не зная. А только угадывая своим дочерним сердцем. Я встречу тебя, обниму и больше не отпущу.

03.12.16

Роман с городом

У Керри Брэдшоу был роман с городом. Она любила Нью Йорк. И он отвечал ей взаимностью. У неё не всегда ладилось с мужчинами, но с тем прекрасным, шумным и сложным городом, в котором она жила, у неё всё было хорошо. Она не боялась возвращаться поздно домой одна по пустынным и опасным улицам мегаполиса, потому что любила его и доверяла.

Всё это я могу сказать и о себе. И о городе, в котором живу. Я здесь родилась. На заводской окраине. Маленький район в несколько трёхэтажек с клубом, детсадом, школой и булочной. Небольшой мирок, в котором жили рабочие кирпичного завода. В детстве он казался мне огромным.

Но судьба распорядилась так, чтобы я надолго покинула город.

А через три десятка лет вернулась. Видит Бог, я скучала!

Тосковала по его осенним скверам, уютным улочкам, голубым елям, что в избытке растут в центре и возле административных зданий. Эти ели – наследницы советской эпохи. В них есть что – то но, в то же время, и скорбное. Особенно у тех, которые растут на Венце. Их вечный, печальный поклон. Суровые вдовы. Они склонили свои верхушки – головы над могилами давно погибших солдат.

А как уютно и прохладно под ними! В их колючих ветвях живёт шумное воробьиное братство. Огромные шишки устилают землю, по которой ходили люди, изменившие историю моей страны. А на одной такой ели, чудом сохранившейся рядом с моим домом, жила белка! Настоящая белка! Я целую зиму наблюдала за ней из окна. Может, ничего удивительного, ведь рядом лес. А ещё она могла прийти из парка Победы, где на таких же елях живут её соседки. Но меня удивляет всё в моём городе.

Удивительно например, что из грохочущего центра, переполненного людьми и машинами, можно в минуту оказаться в зарослях сирени и черёмухи. Окунуться в мир цветущих яблонь и пение соловьёв, просто спустившись в парк на набережной.

А за парком заброшенные садовые участки. Какое умиротворение дарят эти необитаемые сады! Хорошо бродить по узким тропкам между развалившимися дачными домиками, мимо одичавшей сливы, продираться сквозь стену разросшейся вишни и малины. Люди больше не хотят здесь возде-

львать землю. Они оставили её птицам.

Божественная разноголосица заставляет замереть и, не дыша, слушать музыку их птичьей жизни. И вся эта красота рядом.

Я часто, после работы, прихожу сюда. Сажу на лавочке, пью кофе и люблюсь Волгой. И в этом блаженстве созерцания и свободе есть заслуга моего города. Это он даёт мне всё для счастливой жизни.

Да, мой любимый, я счастлива с тобой! Ты заботливо дал мне работу и кров. Ты развлекаешь меня, когда мне грустно. Ты присылаешь ко мне друзей, когда мне одиноко. Они стучат в мою дверь, приносят дары, смех, радость, заботу и бескорыстную дружбу.

Когда-то, давно, я покинула семью и приехала к тебе, мой город. И ты принял меня. Мне было тяжело и страшно. И часто я не верила в себя. Работала, как вол, завоевывая место под солнцем. Искала, ждала любви и сочувствия. В печали бродила по улицам и плакала от отчаянья. Но ни разу ты меня не предал. Ты жалел и утешал. Приютил и научил доверять жизни.

А какие красивые дома в моём городе! Если внимательно приглядеться, то можно увидеть прекрасную лепнину на фасаде, или изящную головку купидона прямо под крышей, или лозу, вырезанную из камня и украшающую балкон. А сколько храмов и церквей, соборов и часовен! Там неугасимой свечой горит живая вера.

Пусть посмеётся надо мной житель мегаполиса, но мне нравится, что мой город можно пройти пешком от одного конца до другого за пару часов. И я так делала не раз. Иногда, потому что не было денег на проезд, иногда просто так. Обожаю шагать по его улицам, мимоходом заглядывая в окна, заходя во дворы, рассматривая пешеходов и деревья. Иногда я выстраиваю новый маршрут и иду по нему, непременно находя что-то новое. Вот недавно открыла для себя удивительного и милого бетонного жирафа в одном из дворов. А ведь бывала там несколько раз и не замечала! А он, очевидно, стоит там с советского периода. И остался он один от бывшей детской площадки. Одинокий жираф с пятнами из глянцевої мозаики.

Город растёт и отстраивается. Но, часто, новостройки разочаровывают. Они безликие, огромные, выстроенные только для того, чтобы вместить побольше людей. Мне по душе старые дома. Те, что с историей. Те, в которых старые, скрипучие лестницы. Эти дома сделаны из красного кирпича, такого крепкого, что не берёт его ни время, ни тлен. Но такого податливого и мягкого, что строители обтёсывали его топором, придавая нужную форму. Современный красный кирпич ему и в подмётки не годится! Я однажды проковыряла обыкновенным гвоздём внушительную дыру в кирпиче, что был в кладке нового дома. Остальные просто рассыпались. А этому дому нет и пяти лет!

А ещё пленяют деревянные дома. С наличниками и став-

нями. На ставнях сохранились запоры и крючки. Наверное, не страшно было за ними во время перестрелок октябрьского переворота. Каждый дом не похож на соседний. Мне нравятся ажурные мезонины купеческих домов, и изящные балконы дворянских. Есть бывшие доходные, или принадлежащие епархии. В моём городе сохранился дух 19 го века. Он живёт в брусчатке, в старинной вышке, в двухсотлетней иве, в башне с часами.

Я знаю бывший барский дом, в подвале которого пытали и расстреливали людей во времена репрессий. Он невероятно красив. Благородно серый весь в ажурных кружевах из кованного железа. А есть невзрачный двухэтажный дом, в котором жил удивительный поэт и общественный деятель Дмитрий Ознобишин.

В "Повести о жизни" Паустовский описывает случай с солдатом, который, будучи лакеем на пароходе, влюбился в барышню, проживавшую в Симбирске. Он так сильно её полюбил, что высадился вслед за ней и упоминает улицу, на которой она жила. Улица Садовая. Умирая, тот солдат вспоминал эту девушку и улицу, которую было видно с реки. Бывшая Садовая, а нынче улица Кирова.

Мой город прекрасен в любое время года. Осенью он дышит последним теплом. Деревья устилают улицы жёлтым ковром. Можно шагать, разгребать их ногами. И, кажется, что идёшь по щиколотку в шуршащем золоте. Зимой город сверкает от мороза и солнца. Под ногой хрупкий лёд

трещит и прогибается. Улицы горят разноцветными огнями гирлянд и рекламы. Весной липкие, крошечные почки на ветках доверчиво греются на солнышке, первая трава пахнет новой жизнью. Каштаны пестуют свои белоснежные фонари. У каштана невероятно красивые цветы. Если приглядеться, то можно увидеть сотни крошечных орхидей.

Весной город оживает, ликует, цветёт, поёт, зеленеет и благоухает. Летом город уходит к реке и лесу, раскаляется и разоблачается. Оголяется до неприличия.

Город всегда работает. Ночью такси развозит разный люд. Рестораны шумят. Заводы не спят. Здешний народ встаёт очень рано. В четыре утра маршрутки переполнены. Повара, пекари, уборщицы, рабочие и озеленители едут на работу. Обречённо и привычно топают на свои места. Несмотря на это, я люблю раннее утро. Это Божье время! Молитва доходит сразу и прямо до Бога. Дышится легко. На всём лежит печать покоя. Машин почти нет. Солнце властно встаёт над городом. В синей дымке становятся прозрачными дома и деревья, и шоссе. Сердце каждый раз замирает и ликует. Я никак не могу привыкнуть к этой потрясающей красоте раннего утра в моём городе. Он будто умыт и готов нас всех принять в свои объятия. Он, как Бог, любит нас всех такими, какие мы есть. Любит безусловной любовью старого, мудрого города. Он принимает нас любых: убогих, злых, пьяных, матерящихся, бросающих мусор мимо урны, плюющих на тротуар, курящих и роняющих окурки, дерущихся, отчаявших-

ся, больных. Он смотрит нежно на нас окнами домов, стёклами витрин. Иногда он любит нас. Когда мы влюблены и ждём своего человека, сидя на скамейке в сквере. Когда мы смеёмся или танцуем от счастья, от полноты жизни, от удачи. Когда мы горды собой или своим ребёнком. Когда мы поём о любви и печали. Когда мы живём. Мы живём в тебе, мой любимый город!

29.05.17

Читая Сэлинджера

В мой день рождения дочка озадачила : " Что подарить?" Я попросила сборник Сэлинджера "Девять рассказов". Как – то искала его повсюду, но не нашла. Дальше выслеживать (например в интернете) было лень. И очень обрадовалась, когда моя удачливая доча купила книгу в первом попавшемся книжном магазине.

И вот уже любовно глажу обложку, перелистываю, предвкушаю...

У меня с книгами всё сложно, как с мужчинами. Сначала замираю от ощущения новизны, от шанса прикоснуться к прекрасному, манящему, сулящему сотню " качественных оргазмов", как выразилась Токарева. Потом долго не решаюсь приступить.

И в какой – то момент, тихим вечерочком, ныряю в омут

с головой, дабы расслабиться и получить удовольствие.

С Сэлинджером не прокатило. Читала с великим трудом. Собрав всю волю в кулак, буквально штурмовала, как гору, как ледник, как неприступную крепость.

Обычно запоем, проглатываю книгу за вечер целиком. А потом долго, "облизываюсь", смакую послевкусие, созреваю. А тут пробуксовка. Паузы, привалы и перерывы.

Прочитывала три страницы и откладывала. С досадой вскакивала, пила чай, сыпала корм попугаю, смотрела в окно, отсылала голосовые подруге.

В замешательстве раздумываю, почему не цепляет? Почему он кажется мне чужим и даже вызывает раздражение? Тот самый Сэлинджер, от рассказов которого бросало в дрожь. Где же моё юношеское, восторженное с придыханием: "Ах, Селинджер!! Ах " Над пропастью во ржи"!? "

В юности он казался нам богом откровенности, гуру душевных исканий и потерь всей мировой молодёжи.

Нам было по шестнадцать лет. Мы – компания подростков из драматического кружка при Доме учителя. Сами себя считаем начитанными, интеллигентными и талантливыми. За окном 93й год.

Все знают Сэлинджера. Все перечитывают Ричарда Баха. Его знаменитую "Чайку по имени Джонатан Левингстон". И Фолкнера и Хемингуэя. Мы бредим этими гениями. Взхлёб и наизусть цетируем целые абзацы. Волшебство слова, новое веяние, американская жизнь без прикрас. Мы жили, любили

и страдали с героями книг. И, конечно же, обсуждали друг с другом прочитанное.

Однажды Сашка – маленький (маленьким стали звать, потому что был Сашка старше и пришедший в кружок раньше. И чтоб не путать, пришлось разделить на большого и маленького) со свойственной ему эмоциональностью восторгался рассказом " У швербота". Он задыхался от чувств и кричал: " Вот как надо воспитывать ребёнка! Ты понимаешь, какая она гениальная мать?! Крутая! С малышом говорит, как со взрослым. Уважает его мир и волю. А как она закуривает и присаживается по индейски, скрестив ноги! Умная и крутая!!! Как тонко он всё схватил. Самую суть!"

А я слушала Сашку и сердилась на себя за то, что сама не прочувствовала, не поняла, проскочила мимо. А он (Сашка) чувствует и всё – всё понимает, хотя был младше нас всех на два года. Он умный, Сашка – маленький. Это тогда он был просто моим другом и мальчишкой – хохотушкой. А сейчас актёр, режиссёр, педагог и наставник молодых актёров. Но уже тогда, в том анализе рассказа, я увидела светлый Сашкин ум и его пронизательность. Уже тогда просматривалась и проступала его педагогическая будущность. Каждый провидит свою жизнь и замечает то, что пригодится в дальнейшем.

И вот я сижу и смотрю на лежащий на коленях сборник. И печально принимаю тот факт, что стала старше и на столько другой, что книги юности перестали быть гениальными. А

их авторы из богов и небожителей превращаются в писателей с биографией из Википедии. И в добавок, как плевок в душу, из жизнеописания узнаёшь, что был он человечиска так себе. С тяжёлым характером, сломленный войной, мизантроп и отшельник. Доводивший жену до мыслей о суициде. Да ещё, в одном из рассказов, описавший самоубийство, но вывел героем мужчину, а женщину выставил пустой и нечуткой куклой. То есть перевернул всё с ног на голову. И, в самых лучших традициях мужской литературы, переврал свою жизнь и оболгал свою женщину.

Печально вырастать из книг, как из детских штанов. Печально осознавать, что писатели – обычные люди. Но это и есть реальность сорокалетнего человека. Тотальная потеря вчерашних иллюзий. Твёрдый и циничный взгляд в прошлое, где остался Холден Колфилд. Он так же спасает детей. Ловит их у самой пропасти во ржи, но ты ему уже не веришь.